

Андреев Игорь Владимирович

ЛИБЕРАЛЬНАЯ УТОПИЯ М. Я. ОСТРОГОРСКОГО

В статье рассматривается завершающий раздел идейно-теоретической концепции выдающегося отечественного политического мыслителя М. Я. Острогорского (1854-1921), содержащий проект вытеснения из общественной жизни института политических партий и замены его сетью временных узкоспециализированных организаций.

Охарактеризовав этот проект как разновидность либеральной политической утопии, автор показывает этапы его формирования, основные особенности, роль и место в творческом наследии М. Я. Острогорского.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 20-28. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

13. Рыбаковский Л. Л. Нелегальная иммиграция в приграничных районах Дальнего Востока // Социологические исследования. 1992. № 12.
14. Степанов В. В. Эмиграция из России и проблема «утечки умов» // Российская диаспора и проблемы недобровольной миграции на постсоветском пространстве. М., 1997. С. 69-82.
15. Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты / отв. ред. Ж. А. Зайончковская; Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ; Независимый исследовательский совет стран СНГ и Балтии. М.: ИНИП РАН, 2003. 286 с.
16. Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов: учеб. пособие. М.: РГСУ; Академический проект, 2007. 472 с.
17. Ястребова А. Ю. Анализ опыта международно-правового регулирования проблем вынужденной миграции и современные подходы к системе защиты беженцев. М., 1997.
18. *Migration Theory: Taking Across Disciplines* / ed. by J. Hollifield and C. Brittel. New York, 2000.

HISTORIOGRAPHY OF MIGRATION PROCESSES WITHIN RUSSIA (THE END OF THE XXTH – THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY)

Sergei Aleksandrovich Anan'ev

*Department of State and Law Theory and History
Russian State Social University (Branch) in Pavlovskii Posad
serg-pposad@mail.ru*

At the present stage of society development there is growing interest to migration processes study both in academic and political environment. The post-soviet period of migration study is associated with the application of new techniques, the increase of migration processes analysis complexity level and interdisciplinary approach implementation. The author presents the comprehensive research of the historiography study of the migration processes within Russia at the turn of the XXth–XXIst centuries, when there was the revitalization of the research in this field, conducts the analysis of migration study within Russia in the post-soviet period and determines the basic qualities and trends in this study direction development at the end of the XXth – the beginning of the XXIst century.

Key words and phrases: migration; historiography of migration; migration policy; migration processes; methods of migration processes study.

УДК 101.1:316

В статье рассматривается завершающий раздел идейно-теоретической концепции выдающегося отечественного политического мыслителя М. Я. Острогорского (1854-1921), содержащий проект вытеснения из общественной жизни института политических партий и замены его сетью временных узкоспециализированных организаций. Охарактеризовав этот проект как разновидность либеральной политической утопии, автор показывает этапы его формирования, основные особенности, роль и место в творческом наследии М. Я. Острогорского.

Ключевые слова и фразы: М. Я. Острогорский; политическая утопия; либерализм; политические партии; временные узкоспециализированные организации; внутрипартийные межличностные отношения.

Игорь Владимирович Андреев, к. филос. н., доцент
*Кафедра истории, философии и социологии
Московская государственная академия коммунального хозяйства и строительства
i1532@yandex.ru*

ЛИБЕРАЛЬНАЯ УТОПИЯ М. Я. ОСТРОГОРСКОГО©

К числу самых заметных и в то же время спорных отечественных политических мыслителей относится Моисей Яковлевич Острогорский (1854-1921). Традиционно российское научное сообщество проявляло наибольший интерес к тем аспектам его творчества, которые связаны с критическим исследованием (на примере США и Великобритании) закономерностей внутрипартийного развития, взаимодействия партий с государственными органами. Принято считать, что достижения учёного в этой области заложили основы нового раздела политической науки – теории политических партий (партологии). Гораздо меньшее внимание привлекает «позитивное» завершающее звено его концепции – *проект вытеснения института политических партий из общественной жизни и замены его сетью временных узкоспециализированных организаций*. Между тем этот комплекс идей, в сущности, представляющий собой разновидность *политической утопии*, ещё никем специально не рассматривался как феномен утопического сознания. Для раскрытия данной темы следует, прежде всего, определить этапы становления проекта Острогорского, его идейно-политический контекст, специфику имманентного ему политического идеала, соотношения общих и специфических черт замысла мыслителя в сопоставлении с иными утопическими концепциями. Стремление обозначить общие контуры освещения этого круга проблем и стало главным мотивом написания данной статьи.

Другой мотив, стимулировавший усилия автора, имел, так сказать, «международное измерение». Как отмечалось на организованном в феврале 2011 г. факультетом политологии Санкт-Петербургского университета, Российской ассоциацией политической науки и журналом «Полис» круглом столе «Моисей Острогорский и традиции политической науки», этот мыслитель (проживший, как известно, около двадцати наиболее продуктивных лет своей жизни на Западе) может рассматриваться как связующее звено между западной и российской политической наукой. Участники круглого стола констатировали, что «мировая значимость» идей Острогорского открывает для россиян возможность «попытаться, опираясь на такие фигуры, как он, преодолеть синдром вторичности российской политической науки». Тем самым мы могли бы «найти основания для отечественной традиции политических научных исследований, которые одновременно содержали бы в себе национальные и международные аспекты» [6, с. 83].

В какой мере, однако, разделяют данный подход наши зарубежные коллеги? Начиная с 50-х гг. XX в. некоторые западные исследователи отмечали заметный вклад М. Я. Острогорского в становление политической социологии, партологии, социологии организаций (М. Дюверже, С. Липсет, Г. Ионеску, П. Розанваллон). Но гораздо продолжительнее зародившаяся ещё в начале XX в. «традиция» уменьшения значимости творческого наследия М. Я. Острогорского (А. Лоуэлл, Дж. Мейси, А. Макмагон, Г. Куальярелло, П. Помбини), в своих «крайних» проявлениях выражающаяся даже в полном отрицании его научного статуса. При этом одним из главных аргументов представителей последнего подхода является как раз присутствие в системе теоретических построений российского учёного вышеуказанной парадоксальной программы политических реформ. Дело, разумеется, состоит не в том, чтобы «защитить своего» во что бы то ни стало, а в том, чтобы в ходе исследования данного круга вопросов точнее уяснить себе соотношение научных и утопических компонентов в творчестве М. Я. Острогорского и тем самым конкретизировать его роль и место в истории политической мысли.

По нашему мнению, процесс формирования утопического проекта М. Я. Острогорского прошёл три основных этапа. *Первый* из них охватывает 1871-1889 гг. В рамках этого этапа под влиянием профессоров Санкт-Петербургского университета и особенно П. Г. Редкина у М. Я. Острогорского сформировалась гносеологическая (и в то же время ценностная) установка на непреклонное постижение и защиту рационально сконструированной научной истины, отождествляемой с *идеалом*. Эта истина, какой бы нелепой, не соответствующей жизненным реалиям она ни казалась поначалу, в конечном итоге должна – в результате деятельности политической и интеллектуальной элиты – восторжествовать и преобразовать социальное бытие по своему образу и подобию. Следует отметить, что этот подход, который Редкин обосновывал ссылками на Фихте и других немецких классиков [11, с. 60], был в какой-то мере созвучен и взглядам Дж. Ст. Милля, ставшего впоследствии главным научным авторитетом для Острогорского [7, с. 75]. Несомненно также, что ещё в университете Острогорский включил в свой методологический инструментарий и некоторые элементы гегелевской диалектики, в частности концепцию спиралевидного развития («закон отрицания отрицания»): в своих зрелых работах он настойчиво пытался представить свой политический идеал как синтез лучших сторон предшествовавших форм политической организации. Кроме того, в этот период молодой учёный пришёл к выводу о несоответствии института политических партий задачам дальнейшего совершенствования демократических политических систем в высокоразвитых странах Запада, заложив тем самым основы *критического компонента* своего утопического проекта [8, д. 991, л. 1-82; 16]. В ходе *второго этапа* (1889-1902 гг.), завершившегося созданием главного труда Острогорского – двухтомной монографии «Демократия и организация политических партий» [17], он не только всесторонне (по его мнению) конкретизировал и обосновал этот вывод, но и в *общем виде* предложил своё видение *альтернативы* партийному режиму. *Третьим*, завершающим этапом этого процесса стали 1902-1912 гг., когда Острогорский разработал *детальный проект* идеальной политической системы, изложенный им во втором издании его «книги жизни» [18, р. 755-758] и в её сокращённом, адаптированном для восприятия широкой публикой варианте [7, с. 564-617]. Последующие публикации Острогорского ничего существенно нового для характеристики его реформаторского замысла не содержали.

Как известно, ключевую роль в структуре утопического сознания играет политический идеал, выполняющий помимо нормативной функции также функцию критики наличных социально-политических отношений и (если речь идёт об учёном-профессионале) функцию мотивации исследовательской деятельности. Этот последний момент, кстати, акцентировался Острогорским: «Концепция лучшего порядка никогда не покидала меня, возбуждая мой пыл в изучении существующего зла» [Там же, с. 623]. Примечательно, что политический идеал «рационалиста» Острогорского, как уже давно подметили зарубежные исследователи, парадоксальным образом нёс на себе отпечаток его религиозных воззрений, унаследованных им от предков и оставшихся неизменными на протяжении всей его жизни. П. Помбини отмечал, что он разрабатывал свою политическую концепцию с «фанатизмом родоначальника новой религии» [19, р. 190-191], а плод этих усилий, по мнению Г. Куальярелло, по форме напоминал «антипартийную “Библию”» [21, р. 1]. Целый ряд библейских реминисценций, присутствующих в работах Моисея Яковлевича, даёт основание предполагать, что этот мыслитель рассматривал себя как мессию, призванного воплотить в сфере политики заповедь «не сотвори себе кумира». Он был убеждён, что именно этот императив грубо попирали политическими партиями, требующими от своих приверженцев слепого поклонения вождям и партийному символу веры – программе [7, с. 560]. В работах Острогорского политические партии представляли как современная «превращённая форма» средневековых церковных организаций, а задача очищения партий и их сторонников от скверны идолопоклонства выступала как

самая актуальная повестка дня. Отмечая неспособность Острогорского освободиться от стереотипов религиозного сознания, Дж. Мейси писал, что его политическая концепция является образцом того самого «теологического метода», последовательным борцом против которого он себя позиционирует [14, р. 473].

Впрочем, как сын своего века, Острогорский всё же не считал необходимым в процессе осуществления своей миссии буквально воспроизводить изложенные в Писании методы воздействия на граждан, не сумевших проникнуться духом «свободы». В отношении «избирателя», пожелавшего «оставаться рабом», полагал он, нельзя будет, «конечно», применить норму «Моисеева закона, который предписывал прокалывать ухо всякому, кто предпочитал рабство свободе». Мыслитель допускал, что достаточно будет «снять с него цепи и открыть ему двери его темницы. Нужно, чтобы он смог сделаться свободным, и, однажды получив свободу, он научится быть человеком» [7, с. 581].

Но что же представлял собой политический идеал М. Я. Острогорского, призванный создать условия для реализации этой «свободы», и что вообще подразумевал под свободой этот учёный?

Не часто бывает, чтобы у утопического мыслителя был не один, а два идеала, но в случае с Острогорским, судя по всему, дело обстоит именно так. Впрочем, эти два идеала в сознании учёного выступали в концептуальном единстве, поскольку каждый из них обладал тремя общими атрибутивными признаками. Первым и главным из них он называл ключевую роль в политическом процессе интеллектуальной элиты, отвечающей самым высоким нравственным требованиям. Другим критерием Острогорский считал рациональный характер управленческих решений, обеспечиваемый свободой политических лидеров от давления партийных группировок, предпринимательских кругов, «толпы» и т.д. И, наконец, в качестве ещё одного обязательного признака эталонного политического устройства мыслитель рассматривал приоритет интересов общества перед частными и групповыми интересами в ходе принятия управленческих решений. Таким образом, политические идеалы Острогорского коррелировали с либеральной парадигмой «рационалистического индивидуализма», предполагавшей создание условий для усиления интеллектуальной составляющей личностной и групповой деятельности: «Чтобы идеал не иссяк, – провозглашал Моисей Яковлевич, – нужно, чтобы он постоянно питался из тех невидимых источников, из которых он проистекает: индивидуального сознания и индивидуального разума» [Там же, с. 115, 192, 559].

Один из политических идеалов Острогорского относился к недавнему, отстоявшему всего на несколько десятилетий прошлому и иллюстрировался им примерами эффективного управления, продемонстрированного в некоторых западноевропейских странах представителями аристократии. Особенно высоко оценивал Моисей Яковлевич результаты деятельности «парламентской аристократии» в Англии. Он находил, что существовавший в этой стране олигархический режим создавал наиболее «благоприятные условия» для развития у правящей элиты «гражданского сознания», побуждая её «свободно отдаться государственным делам и слить свои интересы, своё самолюбие и свои моральные стремления с желанием возможно лучше выполнить свой общественный долг» [Там же, с. 549]. Показательной считал Острогорский и деятельность Э. Деказа и П. де Серра, определявших курс французского кабинета министров в 1818-1820 гг. Эти деятели, как известно, примыкали к течению «доктринёров», рассматривавших современную им олигархическую модель английской конституционной монархии как свой политический идеал, который следовало бы укоренить и на французской почве. Искренне почитая свободу, полагал Острогорский, Э. Деказ и П. де Серр в то же время «ставили ей строгие и точные пределы, и переход за эти пределы считали они переходом к анархии, разрушению общества. Охраняя так ревниво границы свободы со стороны либерализма, они с той же бдительностью охраняли область свободы со стороны реакции. Жить в пределах начертанной ими свободы было их политическим идеалом» [8, д. 991, л. 42 - 42 об.] (*курсив мой – И. А.*). «Конституционным роялистам» Острогорский приписывал «искренность и честность убеждений» – этические качества, которые он считал ключевыми чертами морального облика истинного политического деятеля. Их отличал к тому же весьма ценный Моисеем Яковлевичем рационализм законотворческой деятельности, которой они занимались «основательно», «спокойно», не реагируя на искушения «злобы дня» и не собираясь быть «орудиями партий» [Там же, л. 42 об., 43 - 43 об.]. Несомненно, что выделенные нами фрагменты не только фиксировали ключевые представления французских «доктринёров», но в большой мере отражали и сущностное ядро мировоззрения самого Острогорского, его «пламенное» стремление к воплощению в жизнь своего идеала как синтеза опыта «доброе старое время» и новых политических реалий.

То обстоятельство, что данные примеры были взяты из практики режимов, жёстко отсекавших широкие народные массы от политического участия, несколько, по-видимому, не мешало Острогорскому идеализировать их.

Другой идеал ещё только предстояло воплотить в жизнь в условиях «торжествующей демократии». Вовлечение широких народных масс в политическую жизнь обусловило, как справедливо отмечал Острогорский, крушение эталонных образцов аристократического политического устройства. Естественным следствием «массовизации» политической жизни стало резкое усиление роли политических партий, колоссально выросших количественно и внешне усвоивших демократические процедуры внутрипартийной жизни. Полагая, что современные массовые партии фактически превратились в ключевой структурный компонент политической системы и в силу этого стали главным детерминирующим фактором социально-политического развития, Острогорский сконцентрировал свои усилия на исследовании именно этого института. Проведённое им сопоставление итогов доминирования партий в политическом пространстве с базовыми характеристиками его идеала привело учёного к выводу о принципиальной порочности всех современных проявлений «партийности», обоснованному следующими доводами.

Во-первых, полагал Острогорский, обычный представитель руководящих партийных структур ни в коей мере не соответствует критериям эффективной политической элиты, представляя собой тип циничного, зачастую коррумпированного функционера партийной «машины» – «интригана» и «кукловода» [7, с. 619]. Учёный детально проанализировал внутривнутрипартийный «олигархический» механизм власти, базирующийся на способности узкого руководящего партийного центра («кокуса», как принято его именовать в англо-американской политической традиции) манипулировать кадрами, информацией, материальными ресурсами. При этом Острогорский подметил, что авторитарный стиль деятельности кокуса парадоксальным образом во многом обусловлен его «народной организацией», т.е. формально демократическими (выборными) принципами его формирования, дающими «ему повод выдавать себя за единственного и законного представителя» партии [Там же, с. 103-104].

Во-вторых, указывал учёный, в деятельности партий явственно усиливаются элементы *иррационализма*, что, прежде всего, обусловлено исчерпанием партиями смысла своего существования, заключающегося в проведении особого, заметно отличающегося от других партий политического курса. Преодоление значимых социально-экономических и политических противоречий в высокоразвитых странах Запада (подобных проблеме рабства в США или вопросу об отмене «хлебных законов» в Великобритании) имело своим следствием, по мнению Острогорского, размывание идейно-политической идентичности партий. На первый план выдвинулись «бесконечно более многочисленные и разнородные» и в то же время не столь острые вопросы, уже не порождающие необходимости раскола общества и агрессивного партийного противостояния. «Новые проблемы», подчёркивал мыслитель, не в состоянии «разделять умы целых поколений и создавать на стороне каждой из борющихся партий такие же постоянные связи, как раньше» [Там же, с. 545]. Но партии не желают сходить со сцены и по старинке предлагают избирателю сложные программы, обычно представляющие собой случайный конгломерат многочисленных конкретных требований. А поскольку, по мнению учёного, массовый избиратель способен, как правило, адекватно воспринять не более *одного* требования, возникает проблема *истолкования* результатов электорального вотума. (Это наблюдение получило в конце XX в. математическую интерпретацию, обозначенную как «парадокс Острогорского», причём вопрос о природе данного парадокса пока остаётся дискуссионным [15]).

И, наконец, в-третьих, Моисей Яковлевич пришёл к выводу о подчинении партийной политики интересам крупной буржуазии, которые он считал деструктивными, «противостоящими общему интересу» [16, р. 58-59]. В предельно отчётливом виде, полагал учёный, это имело место в США, политическая система которых «подпала под власть плутократии в её наиболее постыдной форме» [Ibidem, р. 62]. Что касается Великобритании, то, по его мнению, «джентльменские» традиции английской политической жизни несколько смягчили негативный эффект деятельности партий, однако и в этой стране сформировалась «демократия, управляемая олигархией» и не являющаяся «настоящим народным правительством» [7, с. 295].

Нельзя не отметить, что осуществлённое Острогорским исследование выполняло помимо гносеологической функции и другую важную задачу: старательная фиксация *объективных* тенденций социально-политического развития стран Запада, «работавших», как он полагал, на реализацию его концептуальной схемы, могла в какой-то мере нейтрализовать возможные обвинения автора данного замысла в прекрасноразумном проектерстве.

Стремление Острогорского обозначить объективные предпосылки осуществления своего политического идеала получило неоднозначные оценки в научной литературе. Комплиментарную оценку этого намерения Моисея Яковлевича (хотя, разумеется, не всего его проекта в целом) дал советский обществовед Е. Б. Пашуканис, полагавший, что в работах этого автора читатель найдёт «великолепное изображение отдельных чёрточек и отдельных сторон... процесса вырождения буржуазной демократии» и даже ряд «отрывков», которые могут быть включены «в любую марксистскую хрестоматию о государстве...» [10, с. 4, 5]. Принципиально иную точку зрения высказал либеральный исследователь А. М. Рыкачёв, увидевший в «объективизме» Острогорского лишь ширму, лишь попытку «укрепления наиболее слабых сторон своего мировоззрения, по существу неисторического». Этот вывод, пояснял Рыкачёв, неизбежно вытекает из предложенной этим мыслителем политической альтернативы, обосновываемой им отнюдь не действием реальных «исторических сил», а только «критикой старых демократических доктрин и верой в новую, исправленную политическую концепцию» [12, с. 37-38].

Предметом особого интереса Острогорского был анализ внутривнутрипартийных межличностных отношений, качество которых он оценивал крайне низко. Партийные элиты, полагал он, стремясь компенсировать ослабление идейных оснований солидарности между членами партии, сделали ставку на развитие централизации в руководстве партийными организациями, ужесточение внутривнутрипартийной дисциплины и борьбы с инакомыслием, насаждение культа партийных лидеров, превратив тем самым этот политический институт в «школу рабского воспитания» [7, с. 557]. В целом межличностные отношения в рамках партийных структур Острогорский охарактеризовал как «корпорацию», «низкую форму солидарности», «внешнее единообразие», лишь маскирующее «противопоставленных друг другу» индивидов [Там же, с. 547].

Итоговый вывод многопланового анализа М. Я. Острогорского состоял в констатации системного кризиса демократических политических институтов высокоразвитых западных стран. Новые демократии, подчёркивал он, не смогли дать адекватный ответ на появление массовых политических партий – этих «внеконституционных» электоральных «посредников», несущих главную ответственность за дезориентацию массового политического сознания и нарушение нормального процесса рекрутирования и функционирования политической элиты, ставших проводниками политического влияния крупного бизнеса. Партии *в их нынешнем виде*, настаивал Острогорский, это главное препятствие к реформированию политической системы, они должны

быть устранены с политической арены в первую очередь. В то же время учёный не считал возможным возвращение к ставшему достоянием истории аристократически-олигархическому режиму путём «простого» свёртывания демократии и института политических партий. Демократию в целом и политические партии в частности, полагал он, надо не отменять, а видоизменять. «Группировки граждан во имя политических целей, которые называют партиями, необходимы везде, где граждане имеют право и обязаны выражать свои мнения и действовать, – соглашался Моисей Яковлевич, – но нужно, чтобы партия перестала быть орудием тирании и коррупции» [Там же, с. 564].

Базовыми компонентами предложенного М. Я. Острогорским проекта реформы политической системы («нового метода политического действия», как он его именовал) были вытеснение из общественной жизни (в том числе и с помощью юридических механизмов) политических партий и замена их системой временных узкоспециализированных групп интересов – «свободных союзов», идейная гомогенность которых будет обеспечена их «единой целью». После реализации своей задачи соответствующему «свободному союзу» надлежало самораспуститься. Участие в группах интересов позволило бы гражданам, как надеялся Моисей Яковлевич, принимать более грамотные и ответственные решения, поскольку, будучи поставленными «перед каким-либо определённым вопросом», они смогли бы отчётливо понимать его содержание, «в то время как сейчас этого нет». В рамках «свободных союзов», по сравнению с традиционными политическими партиями, на новый качественный уровень поднимется и дисциплина межличностного взаимодействия. Этот эффект станет неизбежным следствием того, что «согласие гражданина с организацией, преследующей одну какую-либо цель, будет, естественно, совершенно безоговорочным», а «подчинение собственного я, являющееся целью дисциплины и основанием всякой ассоциации», не будет восприниматься индивидом как унижение [Там же, с. 570].

Большое внимание уделил Острогорский влиянию «нового метода» на улучшение моральных и интеллектуальных характеристик политической элиты, рассматривая эту проблему, как уже отмечалось выше, в качестве важнейшего критерия степени приближённости политической системы к «идеальным» параметрам. Участники «свободных союзов» как рационально действующие субъекты политического процесса, полагал он, смогут лучше контролировать поведение своего руководства, не допуская его бюрократизации и «олигархизации» и способствуя формированию нового поколения лидеров уже не на основе «условного критерия» преданности партии, а на основе «критерия личных заслуг» [Там же, с. 573]. При этом Моисей Яковлевич подчёркивал, что именно этому типу лидеров, представляющих собой «лучшую часть общества», а вовсе не народным массам и будет принадлежать право «руководить демократией» [Там же, с. 562].

Подытоживая эту типичную для жанра утопии благостную картину, Острогорский предсказывал, что взаимоотношения людей в «свободных союзах» будут коренным образом отличаться от партийной «корпорации», представляя собой «разумную ассоциацию, которая возвышает души и, объединяя, сливает их...» [Там же, с. 545, 547].

В 1908 г. Острогорский «вписал» свой проект в более широкий контекст идеальной политической системы. В приложении ко второму изданию своего главного труда, названном им «Организация публичной власти», учёный позиционировал себя как сторонника парламентской республики. Вместе с тем он изложил набор мер по ограничению властного потенциала нижней палаты, являющейся в парламентских формах правления несущей ответственность за государственные дела. Так, предусматривалось избрание главы государства (президента), обладающего правом назначения министров и судей, совместно обеими палатами парламента. Право выносить вотум недоверия министрам – причём исключительно индивидуальный, а не коллективный – предоставлялось обеим палатам. Вводились двухступенчатые выборы большинства (четырёх пятых) членов верхней палаты; остальные сенаторы назначались «социальными, экономическими и иными» группами интересов. Выборам в нижнюю палату должно было предшествовать предварительное голосование, по результатам которого определялся круг кандидатов, включённых в официальные избирательные бюллетени. Граждане, не явившиеся на предварительные выборы, к голосованию в решающем туре не допускались.

Разумеется, участие политических партий в формировании органов власти запрещалось. Правда, в проекте прямо не упоминались и «свободные союзы»: Острогорский в данном случае счёл достаточным обязать кандидатов в депутаты представить «заявления» с изложением своих «мнений» по тем или иным проблемам, которые избиратели могли бы изучить и сопоставить «в спокойной домашней обстановке» [18, р. 755-758].

Примечательно, что в этом проекте ничего не говорилось о соотношении законодательных полномочий верхней и нижней палат парламента. Вероятно, это объяснялось тем, что автор не видел однозначного решения этой проблемы. С одной стороны, он высказывался за слабую (в законодательном отношении) верхнюю палату и в постулировании этого принципа манифестом 17 октября 1905 г. видел «великий конституционный факт... составляющий эпоху в конституционной истории мира» [9]. С другой стороны, его не покидало беспокойство, что в условиях существования института политических партий отмена даже необоснованных привилегий верхней палаты «устранит одно из препятствий к проявлению деспотизма партии и её руководителей» [7, с. 284]. Применительно же к параметрам виртуальной «беспартийной» политической системы это беспокойство могло быть обусловлено совокупностью умеренно-либеральных ценностных установок мыслителя в целом, его склонностью к обеспечению во всех ситуациях надлежащего комплекса «сдержек и противовесов».

Предложенная им программа реформ, был убеждён Острогорский, позволит сделать функционирование демократической политической системы более эффективным. Прежде всего, полагал Моисей Яковлевич, «новый метод» поможет активизировать проявления *общественного мнения*, являющегося, с его точки зрения,

сущностной характеристикой демократии. «... Политическая функция масс в демократии, – утверждал он, – заключается в том, чтобы ею управлять; они, вероятно, никогда не будут на это способны. <...> Фактически управлять всегда будет небольшое меньшинство, при демократии так же, как и при самодержавии. <...> Но нужно, чтобы правящее меньшинство всегда находилось под угрозой. Функция масс в демократии заключается... в том, чтобы запугивать управителей» [Там же, с. 551-552]. Вместе с тем, оговаривался Острогорский, «при демократическом режиме – если он действительно таков» – общественное мнение должно определяться не «предвзвешенными и чувствами, застывшими в традициях», как это было ранее, а «прежде всего разумом, который утверждается в дискуссии». Но «условное понятие партии... не позволяет дискутировать», «подавляя моральную свободу» [Там же, с. 558]. И лишь вытеснение с арены политической жизни института политических партий, настаивал мыслитель, способно кардинальным образом преобразовать общественное мнение и стимулировать личностный рост граждан. «Избавленный от морального давления, оказываемого на него моральной традицией, освободившись от кошмара регулярности, угнетающего его воображение, гражданин, которого мы видели склонившимся перед массами, боязливым и робким, сможет воспрянуть и вновь вернуть себе самоуверенность. Он перестанет опасаться толпы...» [Там же, с. 571].

Среди иных положительных последствий применения «нового метода» Острогорский отмечал устранение «первопричин коррупции и тирании, порождаемых нынешним партийным режимом» [Там же, с. 569], более оперативную реакцию на возникающие социальные проблемы, возможность однозначного истолкования вотума избирателей.

В комплексе этих идейных построений можно выделить две особенности, *общие* для всех политических утопий: вневременной, универсальный характер социально-политического идеала и практическую невозможность его реализации. Рассмотрим эти особенности подробнее.

1. *Вневременной, универсальный характер социально-политического идеала М. Я. Острогорского.* Проект идеальной политической системы, изложенный мыслителем во втором издании его главного труда, совершенно свободен от какой-либо исторической, географической или временной локализации: с момента его создания он предназначен для всех стран и народов на вечные времена. Между прочим, эта установка получила отражение и в практической политической деятельности Моисея Яковлевича в ходе Первой русской революции и особенно в период его деятельности в качестве депутата I Государственной думы, когда он – явно идя против течения – позиционировал себя как сторонника предельной минимизации «партийных соображений» в парламентской деятельности [1, с. 766].

2. *Практическая неприменимость проекта М. Я. Острогорского* становится очевидной при анализе и его критического, и его конструктивного компонентов.

Так, вывод Острогорского о размывании идейно-политической идентичности партий, как показала политическая практика, оказался не вполне корректным, представляя собой излишнюю акцентировку реально существующей (в определённые исторические периоды и в определённых секторах политического спектра) тенденции. И в наши дни руководящие акты исполнительных и законодательных органов в принципе отнюдь не представляют собой «безыдейный» конгломерат реакций на те или иные общественные проблемы, выступая, как правило, в качестве взаимосвязанных составляющих некоего «системного» политического курса – либерального, неоконсервативного и т.д.

Показательно в этой связи, что оказавшийся в плену иллюзий «беспартийной политики» Острогорский не смог дать удовлетворительного объяснения феномена становления и роста политического влияния социал-демократических партий, то уподобляя их «свободным союзам» с «единым» целевым объектом («социализмом») [7, с. 590], то отрицая наличие у них сколько-нибудь заметных идейных различий с традиционными партиями [Там же, с. 274]. За этой частной эвристической неудачей таилось, однако, нечто более существенное, а именно нежелание Острогорского признать возрастание значимости рабочего движения, несмотря на его оговорку относительно настоятельной, «а иногда и угрожающей» необходимости «разрешения социальных вопросов» [Там же, с. 568]. А ведь именно рабочее движение ещё при жизни мыслителя – причём в наиболее драматических формах как раз в России – опрокинуло его тезис об «исчерпанности» политических противоречий, породив и феномен партии «нового типа», и принципиально новый тип политической системы – «диктатуру пролетариата». Проект Острогорского был одним из вариантов концепции «социальной инженерии», тогда как на повестке дня стояла (если использовать фразеологию его оппонентов с крайнего левого фланга политического спектра) «эпоха империализма, войн и пролетарских революций».

Но предположим, что замысел мыслителя был бы всё же воплощён в жизнь. В этом случае, прежде всего, возник бы вопрос о том, каким образом первооткрыватель «парадокса Острогорского» не обратил внимание на проблему подобного же рода, но связанную уже с монопольным присутствием узкоспециализированных групп интересов в политическом пространстве. И в самом деле, по справедливому замечанию Т. К. Дандаровой, степень компетентности граждан в ситуации выбора между многочисленными конкурирующими «задачами» всё равно оставалась бы недостаточной, обуславливая тем самым относительный (неопределённый) характер их вотума [2, с. 16].

Кроме того, практика работы любого исполнительного и законодательного органа в мире свидетельствует о том, что правительством и парламентам приходится принимать *множество* руководящих актов, имеющих отношение к *различным* сферам общественной жизни. А раз так, то какова была бы легитимность политической деятельности представителей «свободных лиг», посланных своими избирателями во властные структуры для решения лишь *одной* конкретной проблемы?

1. *Либеральный характер* проекта политических реформ М. Я. Острогорского определяется признанием им «в общем и целом» рыночных принципов регулирования экономической сферы и представительного принципа организации политической системы, которые нуждались, по его мнению, лишь в усовершенствованиях, хотя и достаточно серьёзных. (Отметим в этой связи, что попытки французских ультраправых (Ш. Бенуа, Ш. Моррас) «вывести» из концепции Острогорского тезис о принципиальной порочности республиканского строя вызвали возмущение Моисея Яковлевича [20, р. 13-15]). Если же встать на методологическую точку зрения такого последовательного критика либерализма, как В. И. Ленин, то понятными становятся и истоки утопизма Острогорского, поскольку, по мнению Владимира Ильича, вся русская либеральная идеология носила *утопический* характер, проявляясь в виде «мечтаний о беленьком, чистеньком, упорядоченном, “идеальном” обществе» [4, с. 294]. Но, с другой стороны, разве не утопичным оказался коммунистический проект преобразования России? Разве не утопическими были программные документы социалистов-революционеров? Вероятно, в начале XX в. ни одна страна в мире не была настолько пронизана духом утопии, как Россия, и поэтому либеральную утопию Острогорского можно вполне правомерно рассматривать как феномен российской политической ментальности вообще.

Вместе с тем надо отметить, что либеральные политические и научные круги в России весьма прохладно восприняли идейно-теоретическую концепцию Острогорского. Е. Б. Пашуканис объяснял это осуществлённой в его работах резкой критикой дефектов западной демократии, выступавшей для русских либералов в качестве образца для подражания [10, с. 3-4]. Естественно, русские либералы-западники не могли согласиться и с мнением Острогорского о нецелесообразности дальнейшего существования института политических партий. Таким образом, даже на фоне либеральных «мечтаний» утопия Моисея Яковлевича прозвучала явным диссонансом.

2. *Реформистские способы практической реализации* своего замысла М. Я. Острогорский определённо предпочитал быстрым «победоносным приступам». Свои надежды он возлагал на постепенное развитие «гражданской совести», рост «возмущения против партийного правоверия, против тирании нынешней системы...» и создание «живыми силами общества» новых форм политической организации «снизу» [7, с. 583-584, 612, 614, 621].

3. *Рационалистическая природа* рассуждений М. Я. Острогорского видна, в частности, из того, что Острогорский рассматривал свой проект как возвращение партиям их некоего априорно заданного «истинного» характера «как группировок граждан, специально организованных в целях осуществления определённых политических требований». В деятельности же современных партий, напоминал он, их «истинный» характер всё более отходит на второй план, оказавшись подменённым установкой партийных элит на удержание политической власти во что бы то ни стало [Там же, с. 569]. Мы видели выше, как старательно Моисей Яковлевич описывал взаимосвязи компонентов «идеальной» политической системы, ориентируясь при этом на свои представления о «действительных целях» демократии как «режима разума» [Там же, с. 538, 546]. На стремление Острогорского «открыть» рациональную схему общественного идеала как примечательную особенность его творчества указывал А. М. Рыкачёв. М. Я. Острогорский, писал он, это «типичный рационалист, искатель “системы”, рациональной, истинной, во всех своих частях единой и последовательной» [12, с. 37].

Следует указать в то же время, что системный принцип построения проекта Острогорского многократно ставился под сомнение целым рядом не стыкующихся друг с другом суждений мыслителя. Так, Моисей Яковлевич противоречил самому себе, когда, постулируя способность рядового избирателя отчётливо осознавать суть лишь какой-либо одной общественной проблемы, он допускал в то же время возможность одновременного эффективного участия гражданина в нескольких «свободных союзах» [7, с. 569, 571]. Более того, не исключал он и правомерности деятельности «свободных союзов» по реализации сразу «нескольких специфических целей», не оговаривая верхнего предела их количества [Там же, с. 573]. Неоднозначными были высказывания мыслителя и по другой ключевой проблеме – вопросу о перспективах совершенствования политической культуры народных масс. Согласившись однажды, что «массы не менее способны» действовать в соответствии с велениями «разума, чем так называемые высшие классы» [Там же, с. 564], он затем дезавуировал этот тезис заявлением о том, что «чувство всегда будет действовать на большинство людей с большей силой, чем разум» [Там же, с. 615]. Перечень этих «рассогласований», который мы могли бы продолжить, свидетельствует, на наш взгляд, об имплицитном признании Острогорским своей неудачи в деле построения рациональной непротиворечивой модели «беспартийного» политического пространства, параметры которой слишком явно не соответствовали социальным реалиям. В конечном итоге учёный вынужден был согласиться, что осуществление его проекта политических преобразований могло бы дать лишь очень ограниченный эффект, сводящийся к формированию типа «среднего избирателя», по-прежнему идущего «за большинством», но делающего это «менее пассивно» и «менее раболепно» [Там же, с. 615-616].

Подводя итоги нашего предварительного исследования концепции политических реформ М. Я. Острогорского, уместно поставить вопрос об обоснованности отрицания некоторыми нашими зарубежными коллегами научного статуса творческого наследия этого мыслителя в целом на основании присутствия в этом наследии фрагментов утопии. Подобную точку зрения мы не можем разделить по следующим причинам.

Мы полагаем, что утопическое мышление не является абсолютно произвольным и ненаучным; оно всегда опирается на анализ большего или меньшего объёма явлений социальной реальности. Утопический «результат» в гносеологическом плане есть следствие того, что факты бытия воспринимаются «выборочно», без

выявления всего комплекса противоречивых тенденций развития, «удобные» факты и процессы неоправданно абсолютизируются, а «неудобные» игнорируются.

Наибольшим эвристическим потенциалом обладают, как правило, критические компоненты политических утопий. Так, применительно к концепции М. Я. Острогорского, в первую очередь, надо признать научный статус таких направлений критического анализа института политических партий, как выявление процессов бюрократизации и «олигархизации» партийных элит (этот комплекс идей впоследствии развивался Р. Михельсом) и характеристика феномена неопределённости избирательного вота («парадокс Острогорского»).

Некоторое «рациональное зерно» присутствовало и в самой идее доминирования «свободных союзов» в сфере политики. Бесспорным фактом стал произошедший на протяжении XX-XXI вв. значительный рост числа групп интересов, в том числе односторонних, и расширение их политического влияния.

Но в творческом наследии М. Я. Острогорского мы находим и ряд социально-философских и политологических идей, прямо не связанных с его утопическим проектом и прошедших проверку временем. К их числу можно отнести, прежде всего, понимание демократии не как статического состояния общества, а как его развития, выражающегося в непрерывном столкновении интересов различных социальных слоёв, групп, политических организаций. (Как точно отметил французский исследователь П. Розанваллон, Острогорский в числе первых показал, что «демократия – это скорее проблема, чем решение» [22, р. 7]). Одним из важнейших аспектов этой проблемы, обстоятельно исследованным Острогорским, было противоречие между огромным влиянием масс на политический процесс, с одной стороны, и низким уровнем их общей и политической культуры – с другой. Следствием этого стала угроза разрушения самой демократической системы и установления новых видов тирании, возможно, более жестоких, чем прежние. При этом особую актуальность эта проблема приобрела в тех странах, которые не имели демократических институтов вовсе или развили их в недостаточной степени, будучи вынужденными в то же время идти по пути ускоренного догоняющего развития – модернизации (Россия, Германия, Испания, Италия) [5, с. 310]. Кстати, как политик-практик, Острогорский пытался минимизировать данную угрозу нормальному развитию своей страны, выступив в ноябре 1905 г. за признание «октроированной» Государственной думы и отказ от лозунга созыва Учредительного собрания, который могли бы, с учетом низкой политической культуры народных масс, использовать «враги свободы» – политические авантюристы «бонапартистского» или «буланжистского» типа [9]. На наш взгляд, неоднозначные, порой драматические обстоятельства отечественного «демократического транзита» двух последних десятилетий дают повод к переосмыслению этих опасений учёного...

Перспективными новациями Острогорского, получившими развитие в работах последующих поколений обществоведов, оказались применение элементов структурно-функционального подхода к анализу партийной организации и исследование феномена возрастающего влияния политической идеологии на массовое общественное сознание. Большого внимания историков социологической мысли заслуживает осуществлённое Моисеем Яковлевичем описание параметров «ослабленного» типа личности, способствовавшее пониманию природы межличностных отношений в партийной «корпорации» и ставшее, по нашему мнению, одним из истоков современной социологии «массового общества». Весьма актуально звучат выводы мыслителя о причинах и проявлениях кризиса парламентаризма под влиянием деятельности института политических партий. Выявив некоторые закономерности ведения предвыборной пропаганды, Острогорский способствовал и становлению политической психологии.

Таким образом, вся совокупность выработанных Острогорским компонентов научного знания – как инкорпорированных в ткань рассмотренного нами утопического проекта, так и существующих вне его – свидетельствует о достойном месте творческого наследия Моисея Яковлевича в рамках отечественной и мировой истории политической мысли. Он (вместе с Дж. Брайсом и Р. Михельсом) действительно осуществил прорыв из области «предпартологии», занимавшейся изучением партий «раннего» (немассового) типа, к современной теории политических партий. Тем самым мыслитель внёс весомый вклад и в развитие теории политических систем, и прежде всего в понимание природы современной демократии. Достижения М. Я. Острогорского, наряду с принадлежащими Б. Н. Чичерину предвидениями важнейших черт грядущего тоталитарного общества и осуществлённым П. Н. Милоковым анализом российского авторитаризма начала XX в., обеспечили отечественной либеральной политологии уникальный первопроходческий статус в сфере исследования *всего спектра* партийно-политических систем современности.

А в заключение хотелось бы задаться ещё одним вопросом: может быть, прав польский социолог Е. Шацкий, полагающий, что из всех признаков утопии «несбыточность» является самым ненадёжным, поскольку она выступает не столько её чертой, сколько свойством, приписываемым утопическим замыслам наблюдателями, чей исторический опыт ограничен [13, с. 28]? В этой связи примечательно, что и сегодня некоторые авторы считают проект политической реформы М. Я. Острогорского заслуживающим внимания. Так, по мнению А. Н. Медушевского, «основным» путём снятия «реальной угрозы установления тирании меньшинства над большинством» в современных условиях является подсказанная этим мыслителем «заме- на закрытых партий тоталитарного типа широкими общественными движениями, объединёнными конкретными целями» [5, с. 348-349]. Высказывается, ссылаясь, в частности, на Острогорского, за прекращение деятельности партий и Л. М. Карапетян, считающий, что на смену им должны прийти – при помощи соответствующих «союзов, клубов и штабов» – «известные избирателям заслуженные люди», призванные «осуществлять власть во имя “человеческое, слишком человеческое”...» [3, с. 24, 30, 32]. Подобно Острогорскому, главенствующее место в преобразованной политической системе этот исследователь отводит

группам интересов: «...утвердится верховенство непосредственной демократии, полноценное гражданское общество, состоящее из объединений граждан по профессиональным, мировоззренческим, этническим, возрастным и иным признакам, гармонически сочетающих свои интересы и цели с общими интересами и целями государства» [Там же, с. 33]. Однако поиск объективных оснований своего замысла Л. М. Карапетян ведёт на новом качественном уровне, усматривая в эволюции *постиндустриального общества* тенденции к элиминированию породивших политические партии факторов – «классовых различий и социальной поляризации». «Активную роль» в реализации этого проекта должен сыграть, по его мнению, также «субъективный фактор» и, в первую очередь, «высшее руководство страны», обладающее законными полномочиями для пресечения «узурпации» политическими партиями государственной власти. Л. М. Карапетян выражает уверенность в том, что решение этой задачи означало бы и существенное приращение международного престижа нашего государства: «В новейшей истории цивилизованных стран Россия может занять достойное место авангарда по формированию подлинно демократической беспартийной государственной власти и управления избранными народом достойными представителями из всех слоёв общества. Авангарда в процессе перехода от партократии к меритократии» [Там же].

Время покажет, сформируется ли на основе этих новейших концептуальных построений массовое общественное движение, способное, как мечтал М. Я. Острогорский, покончить с «вредной и деморализующей» конкуренцией партий и тем самым перевести из «потенциального состояния» в действие «гражданское сознание и гражданскую совесть» [7, с. 568, 612].

Список литературы

1. Государственная дума. Созыв I. Сессия I: полн. стенографич. отчёт: в 2-х т. СПб.: Гос. тип., 1906. Т. 1. XII+866 с.
2. Дандарова Т. К. Теория демократии М. Я. Острогорского: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 1995. 19 с.
3. Карапетян Л. М. Диалектика перехода от партократии к меритократии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 22-34.
4. Ленин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 273-352.
5. Медушевский А. Н. Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX – начала XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 488 с.
6. Моисей Острогорский и традиции политической науки: круглый стол Факультета политологии Санкт-Петербургского университета, Российской ассоциации политической науки и журнала «Полис», посвящённый 90-летию со дня кончины М. Я. Острогорского // Полис (Политические исследования). 2011. № 4. С. 83-103.
7. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997. 640 с.
8. Острогорский М. Я. Исторический очерк французского законодательства о печати // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 6.
9. Острогорский М. Я. Манифест 17 октября и Учредительное собрание // Наша жизнь. 1905. 15, 17 ноября.
10. Пашуканис Е. Предисловие // Острогорский М. Демократия и политические партии: в 2-х т. М.: Изд-во Коммунистич. акад., 1927. Т. 1. С. 3-6.
11. Редкин П. Г. Из лекций заслуженного профессора, доктора права П. Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще: в 7-ми т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1889. Т. 1. XII+442 с.
12. Рыкачёв А. Реальный базис и идеальные задачи политических партий: о партийной борьбе и партийном разоружении // Русская мысль. 1911. № 12. С. 34-43.
13. Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 454 с.
14. Macy J. Ostrogorski M. Democracy and the Party System in the United States: a Study in Extra-Constitutional Government. N. Y.: Macmillan, 1910 // The American Political Science Review. 1911. № 3. P. 472-474.
15. Nurmi H., Meskanen T. Voting Paradoxes and MCDM // Group Decision and Negotiation. 2000. № 9. P. 297-313.
16. Ostrogorski M. De l'organisation des partis politiques aux États-Unis. P.: Ancienne librairie Germer Bailliere et C°, 1889. 100 p.
17. Ostrogorski M. Democracy and the Organization of Political Parties: in 2 v. L. – N. Y.: Macmillan, 1902.
18. Ostrogorski M. Democracy and the Organization of Political Parties: in 2 v. N. Y. – L.: Macmillan, 1908. Vol. 2. 766 p.
19. Pombini P. Introduzione alla storia dei partiti politici. Bologna: Societa editrice il Milano, 1990. 256 p.
20. Quagliariello G. Contributo alla biografia di Ostrogorski // Ricerche di Storia Politica. Anno X / 1995. Bologna: Societa editrice il Milano, 1995. P. 7-30.
21. Quagliariello G. Politics without Parties. Moisei Ostrogorski and the Debate on Political Parties on the Eve of the Twentieth Century. Aldershot: Avebury, 1996. IX+248 p.
22. Rosanvallon P. Lire Ostrogorski // Ostrogorski M. La Democratie et partis politiques. P.: Seuil, 1979. P. 7-21.

M. YA. OSTROGORSKII'S LIBERAL UTOPIA

Igor' Vladimirovich Andreev, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
 Department of History, Philosophy and Sociology
 Moscow State Academy of Communal Services and Construction
 i1532@yandex.ru

The author considers the outstanding national political thinker M. Ya. Ostrogorskii's (1854–1921) final section of ideological-theoretical conception including the project of political parties institution displacement from social life and its replacement with a network of highly specialized temporary organizations; describing the project as a kind of liberal political utopia, shows the stages of its formation, the main features, the role and place in M. Ya. Ostrogorskii's creative heritage.

Key words and phrases: M. Ya. Ostrogorskii; political utopia; liberalism; political parties; highly specialized temporary organizations; intraparty interpersonal relationships.